

6.08.93

Страницы будущей книги

Марсель ЭДРИХ

ЛЮДИ, ИМЕЮЩИЕ ЛЕГЕНДУ, САМИ ПО СЕБЕ ЭТА ЛЕГЕНДА

Я ПОЗНАКОМИЛСЯ с Коко Шанель в 1958 году. Ей семьдесят пять лет. Священное чудовище. Триумфатор: она утвердила свой стиль во всем мире. Я настаиваю, чтобы она рассказала о своих победах перед магнитофоном. Она бормочет в микрофон: «Даже не знаю, была ли я счастлива».

Она говорила: «Каждый день я что-нибудь упрощаю, потому что каждый день чему-нибудь учусь». Она говорила: «Если наступит день, когда я ничего не смогу изобрести, мне будет крышка». Она говорила: «Эта женщина знает все, чему можно научиться, и ничего, чему научить нельзя». Она говорила: «Молодость — это что-то очень новое, двадцать лет назад о ней не говорили». И еще она говорила: «Только истина не имеет предела». И еще: «У меня осталось любопытство только к одному — к смерти».

Из потока слов я выуживал золотые самородки. Это не всегда удавалось. Она говорила быстро, надо было привыкнуть к ее низкому, глуховатому голосу. Я находил, что у нее подчеркнуты вызывающий, почти агрессивный макияж: слишком красные губы, чересчур широкие и черные брови, волосы выкрашены в слишком черный цвет.

Я смотрел во все глаза. Я пощелкал момент. Что известно об Эйфелевой башне? У меня было довольно условное представление о Коко Шанель. Я знал, что она была очень красива, что один из львов «бель-эпок» привез ее в Париж из Мудена, где стоял кавалерийский полк; что в Париже она раскрепостила женщину, сняв с нее корсет; что создала стиль и духи; что герцог Вестминстерский осыпал ее драгоценностями (восемь метров жемчуга, изумрудов и бриллиантов); что она ввела в моду черный цвет, короткие волосы, бижутерию и т.д.

КОКО ШАНЕЛЬ! Я находился в ее салоне, в пещере Али Бабы с сокровищами Голконды, лакированными ширмами из Короманделя, с перламутром, черным деревом и слоновой костью, ланями и львами, золотом и хрусталем, масками, целой стеной бесценных книг, шарами, магией, ароматом туберозы, это была Византия, дворцы китайских императоров. Слишком роскошно, на мой взгляд. Можно ли здесь жить? Спать, любить на этом диване?

В тот день (мои первые записи датированы 1 августа 1959 года) на Шанель была плоская соломенная шляпа с широкими полями и большой брошью, приколотой спереди на тулье. На ней был очень легкий, почти белый с отблеском бледного золота костюм. Она то и дело одергивала жакет. Говоря, не переставала курить.

«Философия моды? Не понимаю, это пустые слова. Мода для молодых? Это бессмыслица: не существует моды для старых. Что значит молодежная мода? Одеваться, как маленькая девочка? Нет, ничего глупее, потому что ничто так не старит. Они все пугают, все смеиваются. Мода иногда бывает глупой. Тогда ею пренебрегают. Ею пренебрегают и когда она некрасива. Мне хотелось бы спросить модельеров, что такое мода. Ни один из них не ответил бы вразумительно. Мода той или иной страны

Коко Шанель. Она прожила две жизни: подлинную, вычеркнув из нее многие годы, о которых хотела забыть, и воображаемую, которую считала достойной Шанель. Сопоставляя эти две жизни, писатель и журналист Марсель Эдрих, друг и конфидент ее последних лет, показывает бальзаковскую глубину Коко Шанель.

Воспитанная в монастырском приюте, Шанель сама создала себя, став Императрицей моды, чей стиль незыблем и теперь, спустя двадцать лет после ее смерти. Она была возлюбленной Великого князя Дмитрия Романова и герцога Вестминстерского, ей поклонялась художественная элита Парижа — Пикассо, Дягилев, Стравинский, Лифарь, Жуве. Одержимая жаждой независимости, она обрела ее, но одиночество стало ее уделом.

На протяжении более десяти лет Марсель Эдрих записывал монологи Шанель. Каждая страница книги «Загадочная Коко Шанель» доносит до нас голос той, кого называют «Великая Мадемуазель».

Сегодня «КО» публикует фрагменты книги. Полностью она выходит в издательстве «АРТ». Перевод Натэлы Тодрия. Книга иллюстрирована редкими фотоснимками, три из них воспроизводим.

— это образ жизни ее обитателей, их манера одеваться».

НОВАЯ ЗИМНЯЯ коллекция «Великой Мадемуазель» прошла с триумфом, и, однако, несмотря на поток похвал (ожидаемых, презираемых, необходимых, бесполезных), она раздражалась, улавливая некоторую сдержанность по отношению к своим неизбежным «костюмам-шанель». Кто эти журналисты, осмивающие меня? Она, которая ничего не пресияла,

были очень красивые круглые колени, которые она неустанно закрывала подолом юбки, складывая на них руки.

СЛУГА приносит цветы. От кого? Она бросает взгляд на карточку: Аведон, знаменитый американский фотограф... И приказывает отнести букет в соседнюю комнату, она называла ее кладбищем:

— Туда ставят цветы, пришедшие людьми, которых я не люблю.

Несколько букетов оставалось в салоне.

— Это от тех, кого люблю, я сохраняю их даже увядшими.

Почему Аведон попал в немилость? Для репортажа в «Харперс Базаар», сделанного по сценарию Трумена Капоте, он фотографировал ее модели, которые выбрала и демонстрировала Одри Хепберн. В Америке парижские моды оставались событием. Журналы соревновались в поисках писателей для репортажей.

романтические вечерние платья, черный бархат, кружева. Для каждой модели десяток находок. Платья Коко, как заметил кинорежиссер Франсуа Рейшенбах, — это музыка Великих. В них всегда находишь то, что ждешь, но и сверх того обязательно какую-нибудь неожиданность.

МАДЕМУАЗЕЛЬ Шанель, эта властная императрица, казавшаяся такой уверенной в себе, была всегда полна тревоги. Она провела жизнь, балансируя на канате, кото-

И далее следовала эта восхитительная фраза, которую едва хватало времени уловить в потоке слов:

— Великие страсти — их тоже надо уметь переносить.

Она привыкла ко мне. Говорила со мной очень непринужденно.

— Я помню только, как была несчастна в жизни, которая внешне кажется такой блестящей, — призналась она при нашей третьей или четвертой встрече.

— Я всегда терзалась, — говорила она, — прежде всего потому, что никогда не хотела покинуть Дом Шанель, единственное, чем я владею целиком, что принадлежит мне одной, единственное место, где я чувствовала себя действительно счастливой. Здесь мне никогда не докучали. Все, что я делала, имело успех. Мне оставалось лишь требовать деньги, когда я этого хотела. Я видела только улыбки. Никто не смел быть неприятным со мной.

Забывался ее возраст. Нелзя было не поддаться власти ее глаз, глаз требовательной нищей. Она весила ровно столько же, сколько в двадцать лет. Почему она так упорно вносила путаницу во все, что касалось ее возраста?

ПРИ ПЕРВОЙ встрече она рассказывала о молодом американце, недавно посетившем ее. Описывала его: узкие брюки, длинные ноги, однобортный пиджак, застегнутый на три пуговицы. Когда о нем доложили, его имя напомнило Коко о забытых друзьях, «людях очень скучных, но тем не менее в Штатах я была непрочь видиться с ними». Так как она была одна, и ее немного мучила совесть:

— Просите, — сказала она портье.

Молодой американец в узких брюках входит в салон. Коко встречает его словами:

— Вы сын мадам...

— Нет, мы только однофамильцы.

— Так чем же я могу быть вам полезна?

— Видите ли, Мадемуазель, мы с моим другом (я забыла его имя) революционизируем искусство интервьюирования.

— В самом деле?

— Да, Мадемуазель. Мы задаем всего три вопроса. И если они правильно выбраны, из ответов на них можно узнать все, что нам нужно.

— Неплохо.

— Вы согласитесь ответить, Мадемуазель?

— Садитесь, месье.

— Так вы соглашаетесь?

— Еще не знаю. У меня очень мало времени. Поторопитесь.

— Сколько вам лет, Мадемуазель?

— Это вас не касается.

— Это не ответ, Мадемуазель.

— Вы правы, месье. Раз обещала, должна ответить. Итак, мой возраст зависит от того, какой сегодня день, и от людей, с которыми я говорю.

— Это меня вполне удовлетворяет, Мадемуазель.

— Подождите, месье, я еще не закончила. Когда мне скучно, я чувствую себя очень старой, а так как мне страшно скучно с вами, то через пять минут, если вы не уберетесь прочь, мне будет тысяча лет.

(Окончание на стр. 24)

ЧТО ТАКОЕ «АРТ»

С директором издательства «АРТ» Сергеем Никулиным я встретился в магазине «Театральные книги», что на Страстном бульваре. Очень небольшая комната, домашний уют придает настольная лампа с большим однотонным абжуром, стоящая на прилавке. Старинные гравюры на стенах, открытые полки книг. Здесь можно посидеть за журнальным столиком, взяв любое издание, а можно и просто так, глядя в окно на движение улицы и густую зелень могучих деревьев бульвара, доносящих свою прохладу.

— Сергей Константинович, расшифруйте, пожалуйста, заковычней «АРТ».

— «АРТ» — «Артист. Режиссер. Театр». Это единственное в России издательство, которое выпускает книги для тех, кто любит театр, и для тех, кто в нем работает. Нам скоро три года, родились мы из издательства «ВТО», захотелось самостоятельности. Союз театральных деятелей России отпустил нас на волю.

Самое трудное — непривычка к самостоятельности. Все надо было решать самим, не перекладывая ни на чьи плечи. То было самое нелегкое время. Самый большой вопрос — бумага. Но пока выходим из этого положения. Тиражи наших книг небольшие — от пяти до десяти тысяч. Мы надеемся, что в России, при глубоком интересе к театральной культуре, читатель у нас всегда найдется.

— Привлечь для этого Трумена Капоте! Я подумал: у них есть деньги! Коко было наплевать на гонорары писателя, ее возмущил выбор актрисы. Могла ли она смириться с тем, что Одри, одеваясь в жизни у Живанши, представляла в журнале Шанель?

— Зачем им понадобилась иностранка? — ворчала она. — Нет, что ли, красивых девушек во Франции?

У меня перед глазами стояли чудеса, созданные ею для зимы: костюмы из твида, легкие, как галагачий пух, сногсшибательные

Мы редко прибегаем к такому жанру, как монография. Вместо книг об актерах представляем своим актерам. Недавно вышли «Письма сыну» Евгения Леонова. Книга личная, искренняя и необычно задушевная для нашего шумного времени.

Интересны, на мой взгляд, мемуары Бориса Покровского «Когда выгорают из Большого театра». Изданы сборники: «Олег Даля. Воспоминания. Материалы из архива» и «Айседора. Гастроли в России». Любопытны и «Сто театральных анекдотов».

— Какие издания выйдут до конца года?

— Книга-альбом «Наталья Макарова. Восемнадцать лет спустя», сборник «Премьеры Тонстоногова» и книга Марселя Эдриха «Загадочная Коко Шанель». Только что получен тираж «Кухать подано» В.Похлебкина и «Сказки из Шекспира» — детская адаптация Чарльза и Мэри Лэм.

— Скажите, пожалуйста, магазин высылает книги по почте?

— Нет, а позвонить по телефону, узнать о новинке или сделать заказ можно. Книга будет ждать заказчика от одного до двух месяцев. Наш телефон (095) 229-94-84. Адрес: Москва, Страстной бульвар, 10, магазин «Театральные книги».

Майя ОКУШКО.

(Окончание. Начало на стр. 13)

ПРОШЛИ МЕСЯЦЫ. Я чаще виделся с ней, привыкал к ее макияжу, голосу, слушал ее внимательно. Однажды вечером я застал ее спищей на диване. Шляпа надвинута на глаза, костюм из твида, юбка натянута на колени, руки сложены на животе, большой палец просунут в одно из ожерелий. Это было зимой, в феврале, после показа новой коллекции. Я уже подправил ее и вернул, чтобы поужинать с ней. Из-за двери доносились мелодия Вагнера.

Я вошел, решив, что она не слышала, как я постучал. Она спала. Значит, можно спать на парадном диване. Кругом стаканы, окурки в пепельнице, терпкий запах шампанского. Не убирали, чтобы не разбудить ее.

Прежде чем я успел уйти, она открыла глаза.

— Останьтесь. Приподнялась, поджав ноги и натянув по своему обыкновению юбку на колени.

— Вот, — пробормотала она, — что такое слава, слава — это одиночество.

В моих записях, датированных 9 февраля 1960 г., я нахожу признание, сделанное ею: «Никого не может заинтересовать чужая жизнь. Если бы я писала книгу о себе, то начала бы ее с затраченного дня, а не с того, что уже прожила, не с детства, не с юности. Прежде всего надо высказать

свой взгляд на эпоху, в какую живешь. Это логичнее, новее и занятнее».

КОГДА РЕЧЬ заходила о ее жизни, она напоминала мне котенка, играющего с клубком шерсти. Потянет нитку, клубок покатится, котенок испуганно спасается бегством, следит издали, возвращается успокоенный, протягивает одну лапку, снова тянет нитку.

— Я говорю максимам, я записала сотни их.

Вот несколько максим, прочитанных Мадемуазель Шанель: *Счастье заключается в осуществлении своего замысла.*

Можно продолжить свой замысел и после жизни, чтобы реализовать его в смерти.

За исключением материальных дел, мы нуждаемся не в советах, а в одобрении.

Для тех, кто ничего не понимает в искусстве, красота называется позвией.

Следует опасаться людей, одаренных умом, но почти лишенных здравого смысла. Мы окружены ими.

Я находил, что она была более убедительна, когда, как бы стреляя в цель, выпаливала свои суждения, не думая и не заботясь о форме: «Можно привыкнуть к уродству, но никогда нельзя смиряться с неряшливостью. Женщины должны быть надушенной и чистой, без этого она неряшлива. Я очень люблю духи. Люблю женщин хорошо ухоженных, когда

от них пахнет неряшливостью». И все же нельзя не восхищаться тем усилием, с каким, из уважения к себе, она старалась облечь свои мысли в литературную форму.

Святой в обществе так же мало полезен, как в пустыне. Но если в пустыне святые бесполезны, то в обществе они часто опасны.

Страх божьего гнева удерживает от греха тех, кто не очень хочет или не в состоянии его совершить.

Она говорила: «Люди, имеющие легенду, сами по себе эта легенда».

Вот почему она затрачивала столько усилий, выстраивая миф Шанель, создавая максимум путаницы: я не та, какой была. Я останусь той, какой стала.

Почему бы и нет? К тому же, это трогательное желание личными другим выдающимся личностям — маршалам, политическим деятелям, ученым.

Шанель — создание Шанель, такая и только такая, рожденная ею, вылепленная собственными руками из собственной глины и никакой другой.

«Ты наденешь свою шанель?» Кто еще дал свое имя костюму? Причуды моды потребовали, чтобы благодарным и благопристойностью стала и навсегда оставалась Шанель. Она стала символом скромности, вкуса и чувства меры. Шанель — это классика и, следовательно, принадлежит векам.